

ВЛАДИМИР КОЛГАНОВ

ФЕНОМЕН

ДЭ

18+

Владимир Колганов

Феномен ДБ

«Автор»

2020

Колганов В. А.

Феномен ДБ / В. А. Колганов — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-05865-1

Книга посвящена исследованию жизни и творчества известного журналиста и писателя Дмитрия Львовича Быкова. В 2014 году издательства отказывались опубликовать эту книгу под разными предложениями, затем она была размещена на американском интернет-ресурсе Амазон, где не было в то время ни политической, ни идеологической цензуры. Теперь доработанный вариант книги представлен на суд российских читателей. Оформление обложки выполнено автором.

ISBN 978-5-532-05865-1

© Колганов В. А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Полным-полно Быковых	6
Глава 2. «Был я мальчик книжбый»	10
Глава 3. Про гиппопотамов	18
Глава 4. О Борисе Пастернаке	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Владимир Колганов

Феномен ДБ

Предисловие

Эту книгу я написал в январе-феврале 2014 года. Предлагал её нескольким издательствам, но всюду получил отказ. Один издатель сослался на то, что Быков – его школьный приятель, другой вроде бы ходил вместе с Быковым «на Болотную и на Сахарова», третий не хотел рекламировать «чужого» автора, а четвёртый не считал возможным подвергать сомнению достоинства популярного писателя. Впрочем, директор одного издательства всё же решил напечатать эту книгу, однако вскоре был уволен – не исключено, что оказался слишком уж настойчив в своём намерении. Только Джэфф Безос не возражал против размещения книги на своём интернет-ресурсе amazon.com, однако недолго музыка играла – осенью 2018 года он начал вытеснять русскоязычных авторов с Амазона, а чуть позже, под надуманным предлогом, мне запретили публиковаться даже на английском языке.

Так стоило ли представлять эту книгу на суждение читателя? Конечно, рановато записывать героя этой книги в классики, не та это ещё величина, чтобы посвящать ей многостраничный труд. Однако Быков и в самом деле феномен, достойный прижизненного анализа его биографии, мировосприятия и психологии. Наверняка опыт его восхождения к вершинам популярности будет полезен для тех, кто решил пойти его путём.

Но вот незадача, в 2015 году расставшись с надеждой на публикацию этой книги, я несколько отрывков из неё вставил в исследование под названием «Писатели и стукачи». Поэтому заранее приношу извинения читателям за цитирование самого себя – так уж сложились обстоятельства.

Глава 1. Полным-полно Быковых

Предупреждая возможное недоумение читателей, сразу поясню: ДБ – это не что иное, как Дмитрий Быков, так он иногда подписывается [1]. Впрочем, есть и другое определение, которое мне больше по душе. ДБ – это «двойники Быкова», о них и пойдёт здесь речь. Но прежде, чем начать повествование, попробую объяснить, почему, работая над книгой, не обратился за помощью и советом к самому объекту моего исследования. А дело в том, что Дмитрий Львович когда-то так сказал, оправдывая своё увлечение Борисом Пастернаком и Булатом Окуджавой [2]:

«Я вообще против того, чтобы писать книги о людях, с которыми ты лично знаком».

Ну вот и я подумал, что личное знакомство может навредить при написании этой книги. Так что, если где-нибудь напутал, не согласовав какие-то детали с Быковым, не судите строго – тут превалировало желание следовать законам логики, избавившись от влияния незаурядной личности на собственные умозаключения.

Собственно говоря, желание написать книгу о Быкове появилось у меня после того, как прочитал его признание, содержащее намёк на некую тайну, что особенно привлекательно для дотошного биографа [3]:

«Про меня никто ничего не знает: я сделал всё возможное, чтобы загородиться текстами. Вот про них и говорят – а также про школу, телевидение, "Поэта и гражданина" и пр. Что там за ними – это уж моё дело, и осведомлены об этом десяток ближайших друзей, одна женщина и, как ни странно, пять-шесть любимых учеников».

В своё время огорчение Алексея Варламова по поводу того, что вряд ли удастся разгадать загадку К., побудило меня разобраться с этой тайной, в результате чего была написана «Дом Маргариты» и ещё несколько книг, которые я посвятил жизни и творчеству Булгакова. Так и теперь, загадочный, мало кому понятный Дмитрий Быков – это ли не источник вдохновения для психоаналитика?

Думаю, никто не станет отрицать, что Дмитрий Львович Быков – талантливый журналист. А кроме этого – профессор, школьный учитель, лектор по распространению культурных знаний, обладающий уникальным красноречием, чтец-декламатор, составитель биографий, поэт, автор сатирических стихов, а ещё прозаик-романист, политик, политолог, драматург, фельетонист, литературный критик, великолепный эрудит, и даже, как ни странно это прозвучит, Дмитрий Львович вполне успешно делает свой бизнес. К его услугам – газеты, издательства, журналы, дома культуры и концертные залы, радиоэфир и интернет, а до недавнего времени даже телевидение. Как же он тянет этот воз? Не много ли на одного? Тут явно что-то за пределами! Пожалуй, даже великий Леонардо не обладал столькими талантами. Даже быстроногий Фигаро не сумел бы обслужить такое количество господ, если этим словом обозначить всех работодателей.

Что ж, придётся в этом разбираться, однако проблема в том, что объять Быкова совершенно невозможно – напрасный труд! Не потому что он такой большой – тут можно было бы скооперироваться и обхватить его с кем-нибудь на пару, как двухсотлетний дуб в парке под моим окном. А вот рискнёт ли кто-то проанализировать всё творчество Дмитрия Львовича, что называется, от корки и до корки – это вряд ли. Тут требуется гигант мысли – лучше всего, если нобелевский лауреат, – да и тот когда-нибудь поймёт, что явно переоценил свои возможности. Уж лучше бы пожалел себя и нанял бригаду дипломированных критиков. Да без толку, ребята, даже не пытайтесь!

Единственное объяснение столь необычной плодовитости Быкова в том, что он на самом деле не один – их много, этих Быковых. Здесь тот самый случай, когда происходит раздвоение – личность делится, потом двойники-осколки делятся ещё. И вот каждый маленький осколочек

большого Быкова вкалывает на выделенном ему участке поля, выращивает свой урожай, ну а затем всё складывается на одну телегу. И вот представьте своеобразную ярмарку чудес, где всё, от мешка картошки до буханки хлеба и кулёчка семечек имеет фирменную этикетку, штамп, гарантирующий качество – это всеми узнаваемая надпись: «Дмитрий Быков». А несколько оголодавшие от недостатка культурного продукта граждане поражаются объёмом содеянного Быковым, и я, как уже сказано, удивляюсь вместе с ними.

Сам Быков не решается признать реальность подобного деления, и на вопрос: «Един ли "образ автора", стоящий за тем, что вы делаете в поэзии, в прозе, в журналистике, – или всё же это разные образы автора?» отвечает уклончиво: «По-моему, един, но у этого автора бывают разные настроения» [4]. Конечно, разные настроения могут быть свойственны и одному единственному «образу», но вот когда их возникает множество, одними перепадами настроения ничего не объяснить.

Кстати, чуть не забыл вам рассказать, откуда взялось название этой главы – навеяно оно рассказом Эрскина Колдуэлла. Там речь идёт о шведах, засильем которых герой рассказа крайне недоволен. О Быковых ничего такого не могу сказать – я просто констатирую факт, приятен он кому-то или неприятен. Однако слышу пока ещё не заданный в реальности вопрос: «А кто ты такой, чтобы обо мне, то есть о нас, писать? Как посмел? Кто дал тебе право копаться в личной жизни и анализировать причины творческих успехов и редких неудач?» Да, господи ты боже мой, нет у меня желания копаться, тем более кого-то унижить или оболгать! И что плохого в том, что я хочу понять: кто вы такой, Дмитрий Львович Быков?

Только не подумайте, что я пытаюсь возражать – с Дмитрием Быковым совершенно бесполезно спорить. Понятно, что он любого переговорит, даже самого себя, если поставят перед ним подобную задачу. Именно поэтому из нескончаемой череды интервью Быкова и бесед с ним в радиоэфире можно много интересного узнать. Ну вот, скажем, утверждает он одно, ну а затем чуть ли не совсем противоположное. То ли спорит сам с собой, то ли не уверен в сказанном, то ли это наглядный пример очередного раздвоения его личности. Как я уже отметил, этим можно объяснить творческую плодовитость Быкова. Нет ничего странного, когда один работает за двоих, но вот когда сразу целая команда разнообразных «я» работает на одного – это и в самом деле потрясает! Быков-журналист, Быков-писатель, Быков-поэт... ну и так далее.

Быков-писатель свою плодовитость объяснял довольно просто [5]:

«Писание – просто моя форма думания. Бывает артикуляционное мышление, когда человек думает в процессе речи. Кто-то лучше соображает во время еды, кто-то – во время любви. Я думаю, когда пишу. Поэтому я стараюсь писать больше – в это время я думаю о вещах конкретных и важных».

Признаться, я тоже думаю, когда пишу, а то ведь с дуру такого наворотишь! Однако с трудом могу поверить, что найдётся такой уникальный человек, который размышляет, набивая свою утробу котлетами и макаронами. Любопытно было бы узнать – о чём при этом можно думать? Ну разве что о том, какое блюдо повариха любезно предложит на десерт. Столь же сомнительно, что некто способен решать систему уравнений в частных производных, одновременно лаская симпатичную девицу.

Кстати, наверняка найдётся злопыхатель, который, уцепившись за сказанные Быковым слова, станет утверждать, что Быков говорит не думая. Нет, я бы так не сказал, а если обратил внимание на подобную возможность, то лишь с одной единственной целью – дать понять, что есть некая нестыковка между говорящим Быковым и Быковым-писателем. Ну словно бы, занятые каждый своим делом, они не нашли времени найти консенсус по столь ничтожному вопросу: когда и кому из них полагается думать, а когда писать? Иной раз может оказаться, что в то время, когда один Быков пишет, другой обдумывает предстоящий разговор. Или же совсем наоборот. Согласен – это сложнейшая проблема из проблем! Сам иной раз пытался совместить эти два занятия, а в результате – испорченный лист бумаги и головная боль.

Но, слава богу, Быков не то что сам себя опровергает, описывая распорядок дня, однако снимает возникшие было подозрения [6]:

«Пишу я четыре часа в сутки. Больше никогда. А думаю часов восемь, наверное. Прибавим к этому всякую подёнщину, командировки какие-нибудь, какие-то работы на радио, газеты, журналы, прочее... Но больше четырёх часов писать невозможно физически. После уже становишься очень опустошённым».

Итак, Быков думает не только в то время, когда пишет. Есть ещё четыре часа, когда работает голова, а в остальное время как же? Неужели, действительно, газеты, радио и прочее – это всё подёнщина, халтура, когда можно обойтись накопленным ранее словесным багажом, не включая голову? Пытаюсь разобраться. Тут возникает некоторое сомнение, навеянное следующими строками из книги Быкова о Борисе Пастернаке:

«Подёнщина талантливых людей всегда как-то особенно беспомощна. Насколько они одарённые и значительнее прочих в серьёзной литературе – настолько же слабей и смешней своих современников в том, к чему у них не лежит душа».

Если то, что делает Быков на радио, в газетах и журналах, беспомощно, если это всего-навсего халтура, тогда всё понятно. Если же подёнщину Быкова воспринимать всерьёз, тогда выходит, что он вовсе не талантлив – так ли это? Однако подождём – возможно, Дмитрий Львович сам когда-нибудь нам пояснит, где правда, а где просто выдумка. Пока же вернёмся к обсуждению особенностей его мышления. Возможно, природа заложила могучий интеллект только в Быкова-прозаика, а прочим Быковым не досталось ничего. Теряюсь в предположениях, но не могу придумать другого объяснения.

В пользу изрядного словесного багажа, из которого двойники Быкова черпают вдохновение, говорит и следующее уточнение к распорядку дня [7]:

«Моя основная работа как раз и сводится к чтению и письму – без книг мне ничего не написать, тем более что значительная часть моих сочинений принадлежит к прозе исторической или литературоведческой. Большая часть моего свободного времени посвящена чтению – что ещё делать-то?»

Здесь трудно возразить, поскольку для Быкова-эрудита главное занятие – это пополнение собственного багажа, или базы данных, как принято обозначать хранилище различных сведений и фактов. Только бы эта база пригодилась когда-нибудь, а то ведь ляжет мёртвым, почти бессмысленным балластом, при этом создавая иллюзию интеллектуального могущества. Тут есть ещё одна опасность – обилие заимствуемой информации требует интенсивной работы мозга, чтобы все эти фактики и факты распахать по закоулкам своего ума. Всё это время мозг начисто лишён способности к ассоциативному мышлению, да и потом, вместо того, чтобы попробовать создать свою, оригинальную идею, он только услужливо выкладывает очередную порцию данных из хранилища. Мне приходилось встречать в жизни эрудитов, к творчеству совсем не приспособленных – все их достоинства заключены в способности к месту и не к месту привести цитату или пересказать услышанный когда-то анекдот.

Пожалуй, на этом предварительное обсуждение проблемы «много Быковых» можно завершить, но вот попалось на глаза ещё одно его признание [5]:

«Трудоголизм – это просто твёрдое и ясное сознание того, что если буду меньше работать, буду больше вредить окружающим».

Тут Быков верен себе и продолжает удивлять читателей нетривиальными суждениями – то ироническими, то парадоксальными. Однако, если попытаться принять его слова всерьёз, сразу возникает возражение: увлечённость трудом не всегда оказывается полезна для людей. Одно дело – выращивать цветы на приусадебном участке, и совсем другое, если некий землекоп перекопает ваш садовый участок вдоль и поперёк, просто потому что это занятие его очень увлекает. Уж лучше бы занялся коллекционированием бабочек или старинных крантиков от медных самоваров.

А вот ещё одно высказывание Быкова о себе, как о писателе [5]:

«Литератор вообще обладает набором качеств, с которыми хорошо сочинять, но трудно жить. Мнительность, памятьливость, привычка замечать свои и чужие слабости, буйная фантазия, склонность к рефлексии».

Тут нечего добавить – можно только посочувствовать Быкову. Трудно жить не только признанному литератору, но и его осколкам-двойникам, продуктам многократного деления. От мнительности и склонности к рефлексии не далеко и до внутренних разборок, что интеллектуальным изыскам нисколько не способствует и только отвлекает от продуктивного процесса. Дмитрий Львович это признаёт [8]:

«Сейчас мы переживаем затянувшийся период перелома, раздвоения. <...> И по какому пути пойдёт развитие, сейчас сказать очень трудно. Поэтому большинство нормальных людей, во всяком случае, честных писателей, сейчас ничего не пишут. Они ждут, когда можно будет что-то написать...».

Глава 2. «Был я мальчик книжный»

Начнём повествование с краткого рассказа нашего героя о себе [9]:

«Я родился в Москве 20 декабря 1967 года. Мать – учитель словесности. Окончил журфак МГУ, неохотно служил в армии, с 1985 года работаю в "Собеседнике". Сотрудничал или печатался почти во всех московских еженедельниках и нескольких ежедневных газетах, регулярно – в "Огоньке", "Вечернем клубе", "Столице" первого призыва, "Общей газете" и "Новой газете". Член Союза писателей с 1991 года. Веду авторскую программу на радио "Сити FM". Женат вторым браком. Двое детей, четыре книги стихов в Москве и Петербурге, рассказы и пьесы в разных журналах, собака, мышь, морская черепаха, два попугая».

Пожалуй, мы немного вырвались вперёд. Второй брак, черепаху и мышью я бы приберёг на тот случай, если так и не удастся докопаться до истоков творчества журналиста и писателя. Здесь же остановимся на самом ярком впечатлении детства, о котором Дмитрий Быков рассказывал не раз в своих воспоминаниях [10]:

«Я любил и люблю "Артек" больше всего на свете. Я лучше многих знаю, что это было, потому что застал "Артек" в самом начале девяностых, когда цела была его педагогическая школа, принципиально отличавшаяся от прочих. Сюда не проникло "коммунарство" – эффективная, но сектантская по сути методика. Здесь не было советского официоза, несмотря на репутацию коммунистической цитадели, которую этот самый официоз старательно делал "Артеку". Напротив, здесь был небывалый либерализм: ведь сюда приезжала детская элита, не дети начальничков, а те, кто лучше всех умел что-нибудь делать. Были смены юных математиков и астрономов, шахматистов и танцоров, журналистов и поэтов... Я был там счастлив. И все, кто туда приезжал хоть раз, не могли забыть "Артека"».

Вот тут позвольте усомниться. Нет, я готов поверить, что Дима был там счастлив, и счастливы были многие из тех, кому выпала удача побывать в «Артеке». Но вот «не дети начальничков» – это не укладывается в моё представление об этом славном месте. Дело в том, что в конце пятидесятых годов, когда я учился в 112-й московской средней школе, у нас в классе было двое ребят, которым случилось отдыхать в этой пионерской здравнице. Одна была дочерью заместителя министра, другой – сыном важного чиновника из Московского городского совета профсоюзов. Не думаю, что к началу восьмидесятых эта система привилегий для «номенклатурных детей» в корне изменилась. Ну разве что появились иные, более привлекательные места для отдыха, а мода на «Артек» как бы сама собой сошла на нет – такое в принципе возможно. С другой стороны, если бы принимали только деток по знакомству или согласно принадлежности их к высшей знати, стоило ли эту историю так раздувать? Нет, без талантливых ребят там невозможно было обойтись. В итоге, я так и не пришёл к определённому выводу – то ли Дима тоже оказался «блатным», то ли был настолько даровитым, что потеснил кое-кого из «детей начальничков».

Учился Дима на одни пятёрки, школу закончил с золотой медалью, затем поступил на журфак в столичный МГУ. Усердие способного юноши было отмечено красным дипломом. Но прежде следует пояснить, как Дима оказался на журфаке [13]:

«Так получилось, что я поступил в школу юного журналиста при МГУ – просто потому, что это была такая литстудия, интересное место, для Москвы 1982 года знаковое. Потом как-то само пошло – нельзя же уйти с журфака, побывав там хоть раз. Притяжение очень сильное. Ещё мне нравилось ездить, смотреть новые места, самостоятельность всякая нравилась – я по командировкам летаю лет с шестнадцати».

Как получилось, это бы тоже хотелось разъяснить. Видимо, причина в том, что писать Дима начал, по собственному признанию, когда ему было всего на всего шесть лет, а печататься в газетах, когда стукнуло четырнадцать. Могу предположить, что Димины заметки опубликова-

лись в «Пионерской правде», потом он сотрудничал с «Московским комсомольцем», однако до настоящей журналистики было ещё далеко. И тем не менее, это было самое счастливое время для Димы Быкова, если верить его собственным словам [14]:

«1982-1984: дальше было не то чтобы хуже, но не так ярко. Потому что ещё и возраст такой – возраст наиболее радикальных и значительных открытий, умственных и физиологических. Одновременно я работал в «Московском комсомольце», готовил публикации для поступления на журфак. И это тоже было прекрасно. Я до сих пор не могу спокойно проезжать мимо белого здания газетного корпуса на улице 1905 года и уж тем более мимо бывшего ГДРЗ – Государственного дома радиовещания и звукозаписи – на бывший улице Качалова. Какое-то было ощущение чуда от каждого снегопада, от каждого весеннего похода по маршруту «Ровесников» – от ГДРЗ до проспекта Маркса (теперь это Моховая). От Баррикадной до Пушкинской».

А вот ещё одно приятное воспоминание о том времени, когда Дима работал внештатником в «Московском комсомольце» [15]:

«У меня к этому делу подход простой, меня так учил Андрей Васильев, впоследствии один из создателей «Коммерсанта» и «Гражданина поэта»: внештатник должен мухой лететь на любое задание и, кроме того, ходить за пивом. А наградой ему будет та среда, которая в «Собеседнике» есть: атмосфера довольно раздолбайского, но умного коллектива, какая, скажем, была у меня в 1983 году, когда я внештатничал в «Московском комсомольце». Так и передаётся жизненный опыт – в другие формы преемственности я не очень верю».

Ну, если невозможно обойтись без пива, готов смириться и с такой преемственностью. В молодости всякое бывало – надо бы только постараться сберечь всё то, что потом можно использовать с пользой не только для себя, но и для будущих читателей.

Вскоре после поступления в школу юного журналиста при журфаке произошло важное событие, в значительной степени повлиявшие на мировосприятие Дмитрия Львовича. Снова Дима оказался в детском лагере [16]:

«В 1983 году, после Саманты Смит, которую пригласил в Россию Андропов, был затеян международный детский лагерь мира в Швеции, в Гётеборге, в коммуне Марк. Мне было 15 лет, и я туда попал, отобранный в числе пяти московских школьников. Было упоительно. Там были американцы, шведы и русские. Дивное лето, купания в озере, первые влюбленности, спанье в палатке, выезды в парк аттракционов в Лисберге. До сих пор вспоминаю как большое счастье».

Позволю себе уточнить, что Лисеберг – это парк развлечений в Гётеборге, «Гора Лизы» в переводе с шведского. Название этой местности дал её владелец в честь своей любимой красавицы жены Елизаветы. Однако Лиза не имеет никакого отношения к нашему повествованию.

Существенно, что это было первое общение Димы Быкова с другим, запретным миром, и как мы убедились, это общение было весьма приятным и запомнилось надолго. Могу предположить, что юный Дима получил дополнительный стимул для того, чтобы сделать успешную карьеру в журналистике. Тогда могли бы появиться новые возможности для знакомства с этим миром.

Но путь в журналистику неожиданно прервался – после трёх лет учёбы на журфаке Дима оказался в армии. Об этом периоде своей жизни он рассказывает очень кратко [17]:

«В армию я попал и так. И там мне совершенно не помешало то, что я не умею подтягиваться, потому что я, в основном, круглое катал, а плоское таскал».

Судя по фотографиям тех лет, Дима служил на флоте. Честно признаюсь, ребус про круглое и плоское я не разгадал – сказалось отсутствие соответствующего опыта. Но вот поэт и критик, основатель литературного кабаре «Кардиограмма» Алексей Дидуров, когда-то близко знакомый с Быковым, задал новую загадку [18]:

«В казарме Диме посчастливилось от дедовщины спрятаться под крыло КПСС».

Что это было за «крыло»? Неужто Быков стал убеждённым коммунистом? Я бы предположил, что Дима нашёл пристанище то ли в парткоме, то ли в политотделе флота – тут дело не в названии. Вполне возможно, что сотрудничал в тамошней многотиражке, передовицы сочинял. Если так, то получил неоценимый опыт, который использовал уже гораздо позже, занимаясь публицистикой. Когда-то подобный путь прошли многие писатели, надевшие военную форму – и Константин Симонов, и Юрий Герман, и Валентин Катаев. Однако в 1987 году не было войны, да и Диме далеко ещё было до писателя, и всё же надо с чего-то начинать.

Но всё оказалось не так, и сам Дмитрий Быков это подтверждает [19]:

«В 1989 году, когда я был в армии, и когда все побежали оттуда, я в знак протеста вступил в КПСС. Правда, к сожалению, уже в 1990 году, когда на Москву пришел Полозков, я просто не пришёл получать партбилет и год проходил в кандидатах, потому что моя оппозиционность не заходила так далеко, чтобы быть под Полозковым, а потом и КПСС распалась».

Что же это получается? Служил Быков в армии с 1987 по 1989 год, а в партию вступил накануне демобилизации. Однако, странный поворот! Тем более, что эта дата не стыкуется с тем, что утверждал Дидуров, хорошо знакомый с Быковым? Так кто же ошибся или что-то перепутал?

История тем более загадочная, что в 1987 году, когда Быков, согласно логике спасения от дедовщины, мог вступить в КПСС, из партии ещё никто не «побежал», даже убеждённые сторонники демократических перемен вроде Юрия Николаевича Афанасьева. В любом случае вывод Дидурова о том, что Быков спрятался от дедовщины под крылом КПСС, вызывает у меня сомнение. Не потому, что нынешнего Быкова это унижает, вовсе нет. Но есть тут некая недосказанность, несоответствие – ведь ночевать-то Дмитрию пришлось в казарме. Я в армии не служил, но знаю, что ночная жизнь для солдата-первогодка в то время, когда офицеры крепко спят, бывает полна горечи и разочарований. Похоже, что и Дима этого не избежал. Ума не приложу – и как только книжный Дима мог там «спрятаться»? Ну разве что «деды» мутузить партийных не решались, что маловероятно.

Подтверждение трудностям Диминого бытия находим в его стихах, датированных вроде бы 1991 годом [20]:

Был я мальчик книжный, ростом небольшой,
С чрезвычайно нежной и мнительной душой,
Все страхи, все печали, бедность и порок
Сильно превышали мой болевой порог.
Меня и колошматили на совесть и на страх,
И жаловаться к матери я прибегал в слезах...

Дальше не стану продолжать, поскольку чтение стихов про издевательства над книжным мальчиком удовольствия мне ничуть не доставляет, тем более что описанные в стихах события относятся ко времени Диминой учёбы в школе.

Но вот Алексей Дидуров словно бы поправил самого себя, разъяснив, чем стала флотская служба для Димы Быкова:

«Насилие по отношению к тебе во всех его формах день и ночь на первом году службы, круглосуточное насилие над окружающими первогодками – на втором году и тяжкий идиотизм казарменного быта от призыва до дембеля».

Согласен, что всё это – и насилие, и идиотизм – могло самым пагубным образом повлиять на психику неприспособленного к таким нагрузкам юноши. Тем не менее, после отбытия воинской повинности Быков вернулся на журфак и параллельно с учёбой занялся реальной журналистикой – печатался в «Собеседнике», в журнале «Огонёк». Потом пригласили на журналистские телепосиделки в очень привлекательном в те времена «Пресс-клубе» Киры Прошутинской.

Особое место в карьере Быкова-журналиста заняло издание совместно с Александром Никоновым «матерной газеты». Можно предположить, что тут сказались последствия службы в армии. Это было приложение к еженедельнику «Собеседник» и называлось оно весьма претенциозно – «Мать». Быков позже объяснял, что это была первоапрельская шутка – вроде бы там были вполне политкорректные статьи, однако с матерной терминологией [21]:

«Там были чисто первоапрельские материалы. Серьёзная экономическая статья, выдержанная в этих терминах. "Вследствие таких-то действий правительства настанет полный такой-то!" Серьёзная статья о чеченской войне. И всё это с широкими вкраплениями мата. Статья по истории мата, теория мата. И, наконец, якобы обнаруженные в ленинских архивах его пометки на полях, тоже матом».

И всё же по здравому размышлению я это увлечение ненормативной лексикой не назвал бы итогом службы в армии. В 90-е годы была провозглашена свобода, ну и конечно хотелось всё попробовать – то есть выразить себя в самых разнообразных жанрах. Однако сверхзадачу этого эпатажа я бы усмотрел в другом. Для начинающего журналиста, мечтающего о карьере публициста и писателя, весьма важно создать неповторимый имидж в глазах будущих читателей. Набоков написал «Лолиту», Лимонов заявил о себе, как о скандальном Эдичке. А Быков решил пойти гораздо дальше – разразился матом. Это своё самовыражение он пытался оправдать, но уже гораздо позже [2]:

«Иногда, если реальность не лезет ни в какие ворота, для её описания годится только мат».

Может быть, и так, но стоит ли превращать в площадный мат свою неспособность адекватно описать происходящее? Иногда лучше промолчать, однако, насколько я могу понять, это не в характере Быкова. Стоять с закрытым ртом, когда кругом бог знает что творится – для этого требуются неимоверные усилия и развитый инстинкт самосохранения, которым Быков в те годы ещё не мог похвастать.

Трудно сказать, добился ли Быков-матершинник желаемого результата, но фигурантом уголовного дела стал именно за употребление нецензурных выражений в периодической печати. Вслед за двухдневной отсидкой в КПЗ наступило и раскаяние [22]:

«Человек в юности не очень контролирует себя, он не очень думает, что ему придётся за каждое сказанное слово отвечать. Я в юности резко писал и много наворотил. Я просто это знаю, как это бывает. Потом раскаиваешься, а поздно».

Как утверждал незабвенный Григорий Ефимович Распутин, грех и последующее покаяние – важнейшие элементы нашей жизни. Впрочем, не уверен: то ли он говорил, то ли я так написал в своём романе. Существенно, что без покаяния и в самом деле невозможно обойтись.

Не думал Быков, что придётся отвечать и за то, что он написал в статье, посвящённой секте сайентологического толка под многообещающим названием «Источник жизни». Со слов журналиста Игоря Свиаренко, сам Быков так прокомментировал этот инцидент [21]:

«Я с работы пошёл за бухлом, и на обратном пути меня отметелили. Причем бухло разбилось, что особенно обидно. Закуски и мороженое, которыми я люблю завершать ужин, не пострадали. Вызвали "скорую", "скорая" сказала, что надо госпитализировать».

Для трезвенников поясню, что бухлом обычно называли бутылку портвейна или водки. Если принять во внимание факт наличия при Быкове мороженого, то, скорее всего, это был именно портвейн.

В своём увлечении матершиной, критикой сайентологии и визитами в винный магазин Дмитрий не забывал и об иных возможностях самовыражения. С юных лет он писал стихи, даже издал малым тиражом две тоненькие книжечки на собственные сбережения, так что совсем не удивительно, что к двадцати четырём годам стал членом Союза писателей СССР [23]:

«Рекомендовал меня Вознесенский по собственной инициативе, в 1989 году, прочитав "Чёрную речку". Была такая маленькая поэма, я ему показал её при знакомстве. Он к моим

довольно консервативным стихам относился с удивительной для авангардиста доброжелательностью. Он вообще был человек добрый. В то время красная книжечка Союза писателей давала право на проход в ресторан, но цены там скоро так взлетели, что я этим правом почти не пользовался».

В признании Быкова меня несколько смутил акцент на «собственной инициативе» Андрея Вознесенского. Вроде бы никто не утверждал, что известного поэта заставили это сделать под угрозой смерти или, не дай бог, используя шантаж. Скорее всего, не было и рекомендации от влиятельных людей – наверняка Быков воспользовался своим статусом журналиста, чтобы повстречаться с Вознесенским, ну а тут в кустах очень кстати обнаружился «рояль», то есть книжечка со стихами Быкова.

Надо полагать, найдутся и такие недоброжелатели, которые получение официального звания писателя объяснят чуть ли не родственными связями Быкова с признанным поэтом. И правда, можно ли рекомендовать малознакомого юношу в столь важное учреждение, как СП СССР, прочитав всего лишь несколько строф из написанной им тьмы тьмушей поэм, стихотворных пьес, ну и, конечно же, сонетов, хотя за последнее не поручусь? Небось, другие страждущие годами добивались свидания с Вознесенским, Ахмадулиной или Евтушенко, и только Быкову несказанно повезло. Так с какой стати именно ему выпала удача?

Оказывается, благодарить надо бы не случай и не только Андрея Вознесенского. К доброму делу приобщились и другие люди [24]:

«Мои стихи знал Успенский. Они ему понравились и он предложил мне написать цикл стихотворений для их [А.Г. Лазарчука и М.Г Успенского] романа «Погляди в глаза чудовищ». И когда я их написал, то поскольку роман стал абсолютно культовым и тираж его был огромен и переиздание бесконечное, то эти стихи постепенно стали знать, и вот так я под гумилевским покровительством, под успенско-лазарчуковским дружеским надзором вполз в литературу. А то бы так и сидел бы в журналистике».

Пожалуй, расшифровывать последнюю фразу я не стану – тут важен факт, а вовсе не конкретные люди, которые втянули Быкова в литературу. Впрочем, большая им за это благодарность от лица его преданных читателей!

Должен сказать, что довольно странно после цитированного мной признания о высоком покровительстве читать советы Дмитрия Львовича начинающим поэтам и писателям – этой более чем злободневной теме я посвятил целую главу. Ну а теперь пора бы вспомнить о самом ярком событии конца прошлого тысячелетия. В августе 1991 года случилось всем известное, ужасное и страшное ГКЧП. Но как ни странно, у Дмитрия Быкова с этим временем связано счастливое воспоминание [25]:

«Это меня настигло в свадебном путешествии. Оно было, точнее, предсвадебное, потому что мы ещё дома ничего не сказали. Это была моя первая жена Настька Гурская».

На личности Настасьи Гурской я не стану останавливаться, так же как и на срочном возвращении Быкова в Москву на защиту нарождающейся демократии. Мне тоже довелось у Белого дома постоять, но я не считаю возможным назвать это каким-то подвигом и не требую за это привилегий – на раздачу наверняка бы не успел, там очень быстро всё к рукам прибрали.

Куда важнее следующий малоизвестный факт: в молодости Дмитрий Быков состоял в «Ордене Кургуазных Маньеристов». Его создатель, поэт и музыкант Виктор Пеленягрэ так вспоминал об этом времени [26]:

«Мы Диму звали командором-послушником. Он был юный, только-только пришел с армии, мы его шпыняли, обижали, гоняли за водкой. У поэтов же, как у уголовников, тоже шныри есть, воры в законе – короче, банда. Он недолго терпел и ушёл. А поводом стала одна история. <...> Мы вообще-то про всех членов Ордена придумывали какие-то ужасы. <...> Про Диму мы напечатали какую-то заметку, где были слова: "Быков вступился за честь проститутки". Все эти истории мы печатали в хронике происшествий в газете "Московский ком-

сомолец". Наутро в его семье разразился скандал, потому что Быков как раз недавно женился, и надо же было такому случиться, что как раз в ту ночь он не ночевал дома! Видимо, в семье был большой скандал, и Дима так обиделся на нас, что вышел из Ордена куртуазных маньеристов, а от "МК" стал требовать опровержения на полном серьезе, звонил туда, ругался!»

Ох, уж не стала ли эта жуткая история причиной расставания с первой женой? Сам-то Дмитрий до сих пор любит над другими подшутить, а вот стоит его самого как-то разыграть или подколоть, сразу обижается. Не дай бог, и меня затаскает по судам.

В контексте упомянутого мной семейного скандала будет вполне уместным привести ещё одно признание Быкова, записанное поэтом и переводчиком Ильёй Кормильцевым [27]:

«Я люблю женщин. Бесконечно люблю. Это говорит моя еврейская половинка – плотоядная, сластолюбивая, отвратительно земная. У меня периодически случаются увлечения на стороне, которые жена стоически терпит. Потому что знает: писать я могу только с ней, а это даже важнее секса».

Не думаю, что Быков может писать только на пару с женой, иначе следовало бы предположить существование ещё одного, на этот раз семейного двойника. Даже если так, не удалось придумать для него названия, поскольку в голову приходит нечто не вполне благопристойное. Но раз уж речь зашла о сексе, просто необходимо рассказать про «Мулен Руж», оригинальном продукте Издательского дома Родионова, где попытались секс объединить с политикой. Попробуем перескочить на десяток лет вперёд, в 2006 год, когда Дмитрий Быков стал исполнять обязанности главного редактора журнала [28]:

«Moulin Rouge задумывался <...> как вызывающе негламурный эротический журнал. Он никогда не был посвящен сексу как таковому, а всегда – его культурологическому, историческому или психологическому аспекту. <...> Мы рассказываем о специальной постельной лексике, придумываемой влюбленными, и о специальной эротической кухне, изобретенной на Востоке; мы пишем о тех, кто отказался от секса вовсе, и о тех, кто принципиально не желает заниматься ничем иным. Moulin Rouge – эротический журнал с человеческим лицом».

На мой взгляд, постельная лексика и эротика с человеческим лицом – это на любителя. Трудно сказать, то ли человеческого лица не получилось, то ли журнал не выдержал конкуренции с другими глянцевыми изданиями, то ли судебные тяжбы доконали, но эротическая одиссея продолжалась у Быкова всего два года, притом без особого успеха.

Гораздо успешнее продвигался Дмитрий на литературном поприще. Первый сборник стихов под многозначительным названием «Декларация независимости» вышел в 1992 году. Примерно в те же годы было напечатано несколько романов Быкова по мотивам популярных американских фильмов: «66 дней», «Орхидея джунглей», «Харлей и Мальборо», «Дикая Орхидея–2». Тут Дмитрий несколько шукавил, выступив под псевдонимом Мэтью Булл. Вполне могу поверить, что заграничный автор был популярен у читателей.

Алексей Дидуров так писал про это временное увлечение Быкова [18]:

«Пришлось ради хлеба насущного продавать с телеэкрана шляпу Маши Распутиной, заниматься в радиоэфире песенным развернутым буриме и плодить бульварные романы под англосаксонскими псевдонимами».

Что ж, если жизнь заставит, можно съесть и собственную шляпу, как любят выражаться англичане. Можно даже петь в эфире, не имея голоса. Чего только не сделаешь, чтобы заработать на пропитание семье. Я не пытаюсь Диму в чём-то обвинять, поскольку сам в 90-е подрабатывал на стороне.

Ещё одно обоснование этим увлечениям Быкова в лихие 90-е находим в его стихах, процитированных в статье Дидурова [18]:

Другое дело, что в условиях рынка,
В униженности, в нищете, в борьбе
Любой кретин (или, пардон, кретинка)

Желают сделать имечко себе.

Что ж, как ни печально, из песни слова не удасться выкинуть – всякое было в жизни начинающего журналиста. Это уже потом, когда стали появляться всё более успешные его двойники-осколки, Быков остепенился, перестал шокировать читающую публику. К этому времени какое-никакое имя сделать удалось – красноречивый, остроумный, парадоксальный в своих суждениях журналист весьма привлекательно выглядел на фоне косноязычных политиков и даже в окружении своих не менее словоохотливых коллег был, что называется, на голову выше остальных. Но поздно, раньше надо было начинать заботиться об имидже [29]:

«Когда мне было пятнадцать, руководитель нашей родной передачи "Ровесники", в совет которой я входил, Лилиана Сигизмундовна Комарова <...> сказала мне вещь весьма точную: "Имей в виду, ты человек приметный, а потому тебе будут припоминать всё, что другим сойдёт с рук"».

Видимо, тут не имелась в виду только привлекательная внешность Быкова или же его национальность. Быков приметен, что называется, по определению, поскольку в отсутствии этой самобытной его приметности не было бы никакого Быкова. По крайней мере, не было бы того, кого мы с вами знаем.

Пожалуй, к сказанному о жизни Дмитрия в 90-е годы можно добавить, что с ним не произошло ничего такого, за что бы он заслуживал общественного осуждения или наказания. Ну добивался известности любым доступным в тех условиях путём, даже печатал нечто непотребное, в итоге как-то прорвался на телеэкран – многим ещё не забылось его «Времечко». И что в этом особенного? Кому-то повезло, у других не получилось. Судя по всему, Быков может не жалеть о том, что когда-то решил стать журналистом [13]:

«В общем, профессия оптимальная, и то, что она подобрана более или менее случайно, только подтверждает её оптимальность. Кстати, я и не вижу принципиальной разницы между литературой и журналистикой. <...> А "Времечко" началось, когда уже было написано "Оправдание». Наверное, сейчас "лицо из ящика" как-то способствует продаваемости, но думаю, книга вроде "ЖД" вполне способна раскупиться и сама по себе».

По-видимому, верно и то, и другое, то есть «способствует» и «сама способна». Но мы немного забежали вперёд – о Быкове-писателе поговорим чуть позже. А здесь вот на что хотелось бы обратить внимание: по мнению Быкова, нет существенной разницы между журналистикой и писательским трудом. Это признание объясняет многое – талантливый, остроумный журналист всего лишь расширил рамки своего творчества, предположив, что этого вполне достаточно, чтобы называть себя писателем. Так ли это, попробуем понять на примере анализа наиболее известных его романов.

А в завершение главы привожу ещё одно красноречивое признание Дмитрия Львовича, на этот раз сделанное в стихотворной форме. Здесь собраны воедино самые разные чувства, характеризующие отношение Быкова к тем, кто сумел добиться известности и славы, в частности, к шестидесятникам. Тут есть и зависть, и напускное равнодушие, и чуточку презрения, и тщательно скрываемое сознание собственной незначительности по сравнению со многими известными литераторами из числа коллег, ну и конечно надежда на успех куда более значительный, чем тот, что выпал на их долю после той, самой первой нашей оттепели.

Итак, «Автопортрет на фоне», написанный где-то в начале 1990-х [20]:

Хорошо, что я в шестидесятых
Не был, не рядился в их парчу.
Я не прочь бы отмотать назад их –
Посмотреть. А жить не захочу.
Вот слетелись интеллектуалы,
Зажужжали, выпили вина,
В тонких пальцах тонкие бокалы

Тонко крутят, нижут имена.
А вокруг девицы роковые,
Знающие только слово "нет",
Вслушиваются, выгибают выи
И молчат загадочно в ответ.
Загляну в кино Антониони,
В дымную, прокуренную мглу:
Что бы делал я на этом фоне?
Верно, спал бы где-нибудь в углу.....

Глава 3. Про гиппопотамов

Думаю, все согласятся, что объять творчество Быкова-писателя, Быков-поэта и Быкова-публициста никаких сил не хватит. В подростковом или чуть более зрелом возрасте я бы, наверное, многие из его книг прочитал. И уж наверняка смог бы осилить хоть один роман, если б оказался в скором поезде Москва-Хабаровск. Однако вряд ли кому-то будет интересно мнение не самого усердного читателя, поэтому при анализе достоинств Быкова-романиста попробую довериться мнению профессионалов.

Карьера Быкова-писателя по большому счёту началась с романа «Оправдание», вышедшего в 2001 году. В нём Быков предложил читателям фантастическую версию судьбы людей, которым удалось выжить в сталинских лагерях. Вот с чего это начиналось [30]:

«Когда мне пришла в голову идея "Оправдания" я не знал, что с ней делать: прозу я тогда ещё не писал. Я пытался пристроить этот сюжет друзьям, но все они сказали, что это написать невозможно. Помню, я как раз думал об этом, когда ехал на дачу и проколол колесо. Стал менять колесо – заклинило дверь. Я пришёл в полное отчаяние, решил, что я человек настолько безрукий и никчемный, что мне ничего больше в жизни не остаётся, как взять и написать роман. Так сильно было это отчаяние, что я сел и написал первые тридцать страниц. Оказалось, что хоть это я могу».

Оставим в стороне сетования по поводу колеса и двери, а также не вполне понятный тезис, будто стимулом к написанию романа может стать отчаяние. На мой взгляд, заменой вдохновению может оказаться злость либо желание подзаработать малую толику денег. Тут главное, что Быков смог! Этот вывод с восторгом поддержал один из признанных российских критиков Лев Михайлович Данилкин [31]:

«Дебют Быкова-романиста оказался блистательным. <...> Быков – очень лихой романист: с бесцеремонностью молодого Марадоны он прорывается через всё поле, расшвыривает хавбеков, играет в стенку с защитниками, укладывает вратаря и со всей силы впаивает мяч в абсолютно пустые ворота – в девятку, трибуны режут, сетка в клочья. Правда, в ворота собственные, но – читайте, читайте. <...> Язык говорит о многом: "Оправдание" написано языком позднесоветской литературы – трифоновским, битовским, нагибинским. <...> По формальным признакам очень западный, на самом деле быковский роман – о ностальгии по советской Империи».

Данилкин безусловно прав. Читаю и будто вижу перед собой временами Трифонова. Ну если не самого Юрия Валентиновича, то строки из его «Старика» или последнего, «закатного» романа. Но дело в том, что книги Трифонова я уже прочёл, и даже не один раз перечитал, – причём, что называется, от корки и до корки – и не хотелось бы всё снова начинать. Да и скрупулёзное выяснение причин, почему язык «Оправдания» где-то трифоновский, а потом опускается почти до битовского, вряд ли представит интерес для большинства читателей. А потому обратимся сразу к важному вопросу: чем отличается Быков от других писателей? Предоставляю слово Илье Марковичу Рейдерману, одесситу, поэту, философу и культурологу [32]:

«Бабель – герой романа Быкова "Оправдание". Писателя, согласно достаточно фантастическому сюжету, не расстреляли, а сослали в особые лагеря, где воспитывались некие "сверхлюди", и вот после смерти Сталина он появляется из небытия... Не стану этого комментировать, но психологическую тайну едва ли не мучительного интереса Быкова к Бабелю объяснить попытаюсь. Когда писатель – твой герой, невольно соизмеряешь себя с ним. И не можешь не признать: ты – не он! Не в несоизмеримости талантов дело. Дмитрий Быков вообще-то способный человек. Но он... беллетрист. А Бабель – писатель».

Сразу хочу предупредить, что роман вовсе не о Бабеле, и это не вина Быкова, а всего лишь нереализованная мечта одессита Рейдермана. Однако собственное мнение о романе и

его герое я выскажу в одной из следующих глав. А тут самое время попытаться прояснить, чем беллетрист может отличаться от писателя. Я бы предложил такую формулу. Писатель – это повествователь, философ и психолог, как иногда говорят, «в одном флаконе». Можно было бы ещё добавить – и художник, если припомнить «Зависть» Юрия Олеши или «Царь-рыбу» Виктора Астафьева. Так вот, Быков – талантливый повествователь, или, если хотите, беллетрист. Книги его интересно читать, однако той глубины мысли, тех страстей, которые мы находим, например, в романах Достоевского, у Быкова нет, да и быть не может. Я даже не пытаюсь сравнивать его с Олешей или Виктором Астафьевым. Всё потому, что Быков пишет в другом жанре, рассчитанном на публику, которая не желает слишком уж напрягать свои мозги и не способна оценить яркие художественные образы. Да он и сам это отчасти признавал, рекламируя книгу о Булате Окуджаве [33]:

«Думаю, книга будет очень интересна тем, кому сегодня от пятнадцати до тридцати. Прежде всего, потому что у молодежи на месте советского периода огромное белое пятно. Я сейчас делаю всё, чтобы этот советский опыт актуализировать.<...> Надо понимать, как это было, как началось и почему закончилось».

Вот этой ликвидации белого пятна и посвящены все романы Быкова, начиная с «Оправдания». Причём события в них основаны на историческом материале, ну а реальность обычно вписана в фантастический сюжет. Удачный опыт Михаила Булгакова на примере «Мастера и Маргариты» давно уже не даёт покоя многим авторам. Признаться, и я этого увлечения не избежал, однако речь тут не о моих творениях в жанре прозы.

Главную особенность своей писательской манеры Быков объясняет сам [13]:

«Никакой разницы между хорошей литературой и хорошей журналистикой нет».

С этим утверждением можно было бы поспорить. К примеру, стоит ли сравнивать «Виноградники в Арле» Винсента Ван Гога с качественно выполненной фотографией того же самого пейзажа? Думаю, что вывод очевиден. Ещё более он очевиден, если вместо оригинала нам предлагают подробное описание картины, сделанное искусствоведом в какой-нибудь статье или на страницах книги. Разница между журналистикой и художественной литературой, конечно, есть, хотя иной раз они пересекаются. Тут всё зависит от субъективного понимания, что же такое хорошая литература. У Быкова своё собственное представление о том, как следует писать романы, и ничего с этим не поделаешь. Бессильны переубедить Быкова и критики, сколько бы ни писали о недостатках его прозы. Павел Басинский вроде бы и хвалит Быкова, однако с существенными оговорками [34]:

«В отличие от многих своих коллег, убеждённых в том, что Дмитрий Быков – замечательный журналист, неплохой поэт и плохой прозаик, я считаю Быкова прозаиком хорошим. "Орфография", "Эвакуатор" и "Оправдание" – весьма порядочные романы. Особенно "Орфография" с его игрой в культурные знаки эпохи 20-х годов прошлого века, в которых Быков хорошо разбирается и которые хорошо, хотя и по-своему, чувствует. Но "ЖД" – вещь, на мой взгляд, совершенно провальная».

К анализу «ЖД» мы обратимся чуть позднее, а сейчас займёмся «Орфографией». Второй роман из «О-трилогии» вышел в свет в 2003 году. Здесь автор, по его же собственному выражению, предлагает «альтернативную историю», связанную с событиями 1917 года. Плюс к этому – отмена орфографии как таковой, проведённая большевиками, что стало исходной точкой для развития сюжета. Но прежде, чем предоставить слово критику, считаю необходимым разъяснить причину столь пылкого восприятия Данилкиным романов, созданных героем этой книги. Как в Быкове-романисте критик обнаружил нечто «битовское», так и в самом Данилкине можно углядеть нечто похожее на Быкова. Однако речь вовсе не о происхождении и не о стиле самовыражения на страницах журналов и газет. Есть любопытный момент: как я уже упоминал, в молодости Быков редактировал полуэротический «Мулен руж», ну а Данилкин пошёл гораздо дальше – работал шеф-редактором российского издания знаменитого «Плэй-

боя». Далеко идущих выводов из этого совпадения я бы делать не решился, но некое родство душ, основанное на общих увлечениях и сходном восприятии реальности – такую «родственную» близость можно было бы предположить. Итак, слово Льву Данилкину [35]:

«"Орфография" – второй, после очень хорошего "Оправдания", его беллетристический опус – русская "Волшебная гора"; сильнейший, сдаётся мне, отечественный роман идей из тех, что случились за последние лет шесть; текст упругий, рассчитанный не только на единовременный взрыв, но и на дальнейшую многолетнюю радиацию; в нём сконцентрирована бешеная воля к трансформации не литературного, но в первую очередь общественного ландшафта. Вещь ширококостная и толстошкурная, гиппопотам в 680 страниц».

Здесь я прерву критика, но вовсе не потому, что потрясли меня эти предсказанные им взрывы с многолетней радиацией. Причина в том, что «гиппопотам» – очень точное сравнение! Поэтому и вынесено в название главы. Я вообще люблю животных, однако не за решёткой зоопарка, а непременно на свободе. Так вот и романы Быкова, и сам автор напоминают, в какой-то степени, стадо бегемотов, гуляющих по просторам африканских джунглей. Гуляют они сами по себе, не обращая на нас ни малейшего внимания. А вокруг толпятся зрители с фотоаппаратами, с кинокамерами, любопытные газетчики, какие-то исследователи с замысловатыми приборами. И все увлечены только этими толстошкурными и ширококостными, а на прочую фауну им просто наплевать. Естественно, что птичкам и иным зверюшкам немножечко обидно.

Однако прошу прощения, что Льва Данилкина не ко времени прервал:

«Уму непостижимо, как это можно было написать за год (при том, что Быков не вылезает из газет, интернета и телевидения) – такие романы лет по десять возводят. Литература нобелевская: Быков пишет не то что хорошими абзацами – он делает такие сцены, такие массовки, такие крупные планы – караул. По-разному, изобретательно, с ритмическими чередованиями – скандал, затишье, нагнетание, прилив, буря, откат. Он ворочает прозой, будто у него толстовские, может быть, бунинские мускулы. Это очень радостная, стопроцентно настоящая литература».

Про бунинские корни – это мы уже слышали от Рейдермана. Данилкин же пошёл гораздо дальше – тут и «Нобелевка», тут и «караул!». Одно с другим довольно трудно совместить, но почему бы нет, если очень хочется? Кстати, и Толстой тут оказался очень кстати – Быков не раз уже признавался, что Лев Николаевич ему гораздо ближе Достоевского. Я этим обстоятельством, конечно, удручён, однако опять же ничего тут не поделаешь – каждый выбирает кумира по собственному вкусу.

Но хватит о Толстом, пора вернуться к «Орфографии». Продолжу цитату из Данилкина, тем более что речь пошла уже не только о локальном взрыве и его последствиях – тут, то есть там, происходят процессы тектонические:

«"Орфография" – может быть, первый за последние десятилетия роман, который может осуществить внелитературный тектонический сдвиг, сместить систему ценностей не только в литературе, но и в обществе... В орфографических тезисах Быкова чувствуется Голливуд, настоящий Большой Стил».

Про Голливуд ничего вам не скажу – не имел счастья побывать. Возможно, в текстах Быкова можно обнаружить и голливудский дух, и какой-нибудь ещё, но я, пожалуй, за поиски этого духа не возьмусь. Чуть позже, когда речь пойдёт о «Борисе Пастернаке», любители американского кино смогут вдоволь насладиться оригинальными находками чудо-критика, сделанными при аналитическом разборе этой книги. Ну а пока предоставлю слово другому специалисту – литературоведу Михаилу Назаренко, который, как ни странно, не сумел учуять в обсуждаемом романе духа Голливуда, но смог кое-что другое отыскать [36]:

«Критики легко вычлениют в тексте "Орфографии" отсылки и к другим художественным (не документальным) текстам, определяющим отдельные аспекты романного сюжета: Петербург 1918 года описан по гринговскому "Крысолову", пролог к "действию второму" – пародия

на "Хождение по мукам", лавка старьевщика пришла из прозы Вагинова, финал перефразирует начало "Весны в Фиальте" и т.п.»

Опять же, в силу недостаточной осведомлённости, не берусь судить, насколько реальны сделанные критиком отсылки. Мне даже всего Быкова осилить не под силу, а тут снова перечитывай Александра Грина, разбирайся, что такое могло очень не понравиться Дмитрию Львовичу в трилогии Алексея Николаевича. Да всё это их личные разборки, тем более что пора уже перейти к «ЖД». Вот как Быков объяснял происхождение этого названия, предоставляя на выбор множество вариантов, с учётом разнообразных вкусов своих преданных читателей [8]:

«"ЖД": железная дорога, жёсткий диск, жаркие денёчки, жирный Дима, жуй давай, жуткая дрянь, жалко денег, живой дневник, Живаго-доктор. Я придерживаюсь варианта "Живые души"».

«Жирный Дима» и «жуткая дрянь» – это снова эпатаж. Либо попытка предвосхитить мнение недоброжелателей – мол, сам знаю, и ничего нового вы не сумеете сказать, как бы не желали обидеть талантливого автора. Где-то слышал и такую интерпретацию названия – «Жида». Но это слово неприличное, а потому обсуждать этот вариант не будем.

Гораздо интереснее тот факт, что снова Быков напоминает нам о классике – на сей раз о поэме «Мёртвые души» Николая Гоголя. Что ж, интересно было бы понять, чем в интерпретации писателя «живые» отличаются от «мёртвых» – здесь речь всего лишь о названии [37]:

«Гоголь написал поэму, потому что она предполагает формирование нации. Если у нации нет эпической поэмы, значит, она недоформирована. В России нет эпической поэмы».

Что там у нас «недоформировано», в этом вроде бы стоит покопаться. С другой стороны, если речь идёт не о сути, а о форме, можно этим пренебречь. И вообще, формирование – это слово меня ничуть не возбуждает, то есть не стоило бы даже эту тему обсуждать, если бы не многозначительное заявление Дмитрия Львовича. Нация существует уже много лет вне зависимости от мнения некоторых авторов. И даже отдельные трагические факты не способны нашу историю перечеркнуть или заставить усомниться в перспективах.

Впрочем, более детальный разбор претензий Быкова к российской нации нам предстоит чуть позже, а здесь в качестве предисловия к скрупулёзному анализу могу на выбор предложить два варианта. Либо Быков не сумел в нашей действительности толком разобраться, либо она его не устраивает, притом категорически. Ну не могу поверить – неужели всё так безнадежно? Неужели мы обречены на прозябание? Но, слава богу, Быков успокаивает – эпическая поэма всё же есть [37]:

«Да, появилась. Плохая, дурная, какая угодно, но это эпическая поэма о России, в которой есть два главных мотива: война и странствие. Это попытка написать русскую "Одиссею"».

Так что же, Гоголь вроде бы тут ни при чём – Быков отсылает нас к древнегреческому эпосу? Помню, помню – в школе когда-то изучали... Пытаюсь объединить в своём воображении Гоголя и Гомера, но ничего не получается. Какое отношение древняя Греция имеет к нынешней России? И можно ли презрение Гоголя к нравам уездного чиновничества и провинциальной знати воспринимать как всероссийский эпос? Поэма – это крик души, а не результат исследования, и потому никак не тянет на эпичность. Ну разве что слова об эпичности «ЖД», как многие другие утверждения Быкова, воспринимать только как пиар, что, в общем-то, понятно и простительно.

Но вот что может возмутить читателя, так это постоянные упрёки в адрес Быкова, будто теоретические рассуждения он загнал «в километровые диалоги, а они утомляют и раздражают». Автор, ничуть не смутившись, отвечает, заодно подтверждая мою версию. А версия такова, что не по силам ему разобраться в том, что в России происходит [37]:

«Хаотическая форма книги очень соответствует хаосу русской действительности. Всё главное у нас проборматывается в разговорах и в них же исчезает».

Интересная мысль! Отдаю должное воображению автора романа. Если главное даже в брежневские времена было сосредоточено на кухнях – речь о кухонных разговорах и дискуссиях под рюмку водки, – куда же отнести произведения того же Трифонова? Или ещё раньше – стихи Бориса Пастернака? Неужели из сознания Быкова они уже исчезли? Либо совсем наоборот – книги классиков остались на века, а невнятное бормотание вечно недовольных рассеялось, как утренняя дымка?

Однако о «проборматывании» в его истинном значении речь пойдёт чуть позже, а здесь приведу лишь краткую цитату из объяснений Быкова, касающихся его права собственности на жанр [37]:

«Жанр "Быков" характеризуется жутким многословием, поскольку приходится проборматывать одно и то же, чтобы оно наконец дошло...»

Неужели проблема в том, что народ у нас настолько туп, что мысль надо силком вбивать в мозги, чтобы наконец-то что-то понял. Перефразируя ленинское изречение: проборматывать, проборматывать и проборматывать! Глядишь, что-нибудь получится. Мне это напоминает агитпроп, от которого ещё в советские времена спасения не было, а тут вот литератор взял на вооружение этот устаревший метод. Хотя кто знает, возможно, до кого-то и дойдёт.

Теперь попробуем поговорить серьёзно, оставив в стороне эпос и поэму. Вот почему Быков написал именно антиутопию, а не что-нибудь другое? Сам же Быков нам даёт подсказку, сославшись на мнение специалиста [37]:

«Есть точка зрения Ирины Роднянской, которая считает, что антиутопия – это всегда отзыв на некоторую некомфортность бытия, когда мы чувствуем, что всё идет не так, но почему – не понимаем».

На мой не слишком просвещённый взгляд, всё очень верно сказано! Однако вернёмся к ситуации в России. Быков и вправду чувствует, что всё идёт не так, что всё устроено как-то некомфортно, но почему – этого не в состоянии понять. Однако причины некомфортности бытия обсудим позже. Здесь же снова предоставлю слово Быкову [37]:

«"ЖД" передаёт ощущение страны, которая движется в неверном направлении... Я пытаюсь делать то, что не получилось у других или получилось в меньшей степени. Что касается желания вырваться из этого круга. Я скажу чудовищную вещь: русский проект закончился. К сожалению, это надо признать. Страна, в которой девяносто процентов населения не имеет собственного мнения ни о чем (в 1990-е годы они бегали на демократические митинги, а в 2006-м стали тотально поддерживать "Единую Россию"), страной в нормальном смысле слова именоваться не может. Этот проект не состоялся».

Способность некоторых деятелей говорить от имени народа меня и прежде удивляла. Скажем, я готов признаться, что до того, как начал писать книгу, не имел собственного мнения о Быкове. И только по мере написания, мне кажется, начинаю понемногу разбираться. Но я бы не стал категорично утверждать, что народ так уж ничего не понимает. На мой взгляд, побеждает народ, подумает, а после этого решит, за кого бы стоило голосовать. Вот если голосует «не так», тогда и возникает желание обвинить его в ущербности ума. А что ещё остаётся в этом случае?

Теперь о проекте. Мне кажется, что закончился именно «нерусский» проект, который замыслили в лихие 90-е. Возможно или почти наверняка, в этом и состоит причина пессимизма Быкова. Сначала увлечение идеями КПСС, затем восторг, вызванный провозглашением свободы. В чём смысл этого «сладкого слова», похоже, Быков тогда не понимал, да и сейчас не склонен детализировать это понятие. Но вот когда возникло ощущение, что надежды не сбылись, когда вновь обретенных прав оказалось недостаточно, тогда и решил поставить на могиле этого проекта крест. Увы, из «ЖД» даже маленького крестика не получилось.

И снова слово Быкову [37]:

«Некоторые считают, что именно это обстоятельство и позволяет русскому проекту существовать вечно: русская идея – это идея круга, а идея прямолинейного западного развития рано

или поздно приведёт к концу. Я пытаюсь доказать, что вечно бегать по кругу невозможно, это приводит к необратимой деградации».

Уже не раз доказано, что развитие идёт по восходящей спирали. Нигде в природе вы не найдёте бесконечного прямолинейного движения, которое декларирует Дмитрий Львович. Поездка по прямолинейному шоссе закончится там же, где вы стартовали – Земля-то круглая, хотя кому-то это, может быть, не нравится. Даже луч света, направленный в космическое пространство, не дойдёт до намеченной вами цели – его либо притянет «чёрная дыра», либо он упрётся в какую-то планету, либо же сойдёт с маршрута под влиянием притяжения звезды. Прямолинейен лишь патологический дурак или человек, преследующий своекорыстные, ему одному ведомые цели.

Однако пора бы поближе познакомиться с содержанием «ЖД». По мнению Быкова, коренное население России стало жертвой нашествия варягов и хазар. В основе фантастического сюжета – борьба этих захватчиков, которые, по моему разумению, не имеют ничего общего с известными нам племенами, хотя некоторые критики предполагают, что речь идёт о русских и евреях. Сражения противоборствующих сторон происходят в наше время, что, видимо, означает существование некоего параллельного, строго засекреченного мира, доступ в который получил только автор книги о ЖД. Судя по всему, мы опять столкнулись с проблемой двойников – один Быков собирает информацию в потустороннем мире, а другой на её основе создаёт роман, сидя за столом в своей квартире [13]:

«"ЖД" я придумывал лет десять, писал шесть, переписывал и правил несколько раз, заботясь не о политкорректности, а исключительно о точности и полноте высказывания. Меня не очень заботило, насколько это "правильный" роман. Это вообще скорее эпическая поэма по формальным признакам. Я её писал, чтобы, так сказать, оставить за себя. И я знаю, что она действительно получилась, – потому что у меня не было задачи написать "хорошую" в обычном смысле книгу. У меня была задача написать то, что хочется».

Конечно, Быков слегка перемудрил, сообщив, что собирается «ЖД» оставить за себя. Довольно опрометчивое заявление для беллетриста – куда же он уйдёт от своего читателя? Вряд ли направится в дальний скит, где вдали от столичной суеты будет писать поэмы, анализировать события быстротекущей жизни и замаливать свои грехи.

Однако «то, что хочется» – это дорогого стоит! Не каждому удаётся опубликовать такой роман, приходится подстраиваться под конъюнктуру. У Быкова это получилось: видимо, удалось убедить издателя, что роман вовсе не о вражде варягов и хазар, но исключительно и только посвящён любовной лирике [38]:

«"ЖД" ведь <...> главным образом о любви. Это история одной пары, но в четырёх разных вариациях. Каждый ведь на протяжении любовного романа бывает то стариком, то ребёнком, то отцом, то разведчиком, то солдатом-отпускником».

Увы, солдатом-отпускником мне так и не случилось побывать – хватило месяца подготовки в лагерях под Псковом перед сдачей госэкзамена на вузовской военной кафедре. Быков в этом вопросе гораздо компетентнее, ему и карты в руки. Вот и ребёнком он относительно недавно побывал, успел и стать отцом, не исключено даже, что иногда чувствует себя разведчиком во вражеском тылу – надеюсь, воображения на это хватит. Возможно, компетентен он и в том, что касается любви варягов и хазар. То ли любви, то ли вражды – это уж как кому понравится.

Но вот совершенно неожиданное для меня признание автора в интервью для «Собеседника» [39]:

«Это антисемитско–русофобский роман. Его главная концепция сводится к тому, что два племени – русское и еврейское – по очереди покоряют Россию, и ни те, ни другие не являются коренным населением. А коренное население – это несчастные люди, умеющие только работать. <...> Довольно грустное произведение. В итоге коренное население умирает, а после

большой войны остаются лишь два человека – русский и еврей, с них-то и начинается новая Россия».

И снова возникает мысль о двойниках. Двое выживших в войне – уж не осколки ли это самого Быкова? Сгорел в огне войны Быков-публицист, умер от ран незадачливый поэт-сатирик. Даже если всё не так, у нас остаётся слабая надежда, что в авторской интерпретации романа обнаружим некий смысл. Однако анализ суждений Дмитрия Быкова по «национальному вопросу» оставлю для другой главы. Здесь же снова предоставлю слово критику, на этот раз Марку Фомичу Амусину – возможно, он что-то разъяснит по этой теме [40]:

«“ЖД”, похоже, писался с сознательным расчетом на скандал, на мощную пиар-волну, которая подняла бы это сочинение на вершину читательского спроса. <...> Проза Быкова здесь обладает полузабытой прелестью повествовательной и изобразительной нормальности – без капканов и лабиринтов. При всей фантазмагоричности содержания, картины рельефны и живы, мысли и поступки персонажей достоверны (хотя перед нами отнюдь не психологический роман), метафоры и прочие тропы – на местах и при деле, чернушность, даже в показательно гротескных эпизодах, не зашкаливает».

Здесь обращают на себя два утверждения, содержащихся в рецензии. Во-первых, предположение, что Быков рассчитывал на мощную пиар-волну – однако волны, насколько я могу судить, не получилось. А во-вторых, сделанный критиком вывод, будто «ЖД» – отнюдь не психологический роман, но в то же время обладает некой прелестью. В сущности, два этих утверждения следует свести к одному: талантливый журналист вполне способен разобраться кое в чём, затем не менее талантливо это описать, всё в совокупности обозвав романом. А всякие там прибабасы вроде психологии – этим пусть занимаются другие, если по наивности считают, что современному читателю всё это «в кайф».

Иное мнение высказал Павел Басинский [34]:

«"ЖД" – вещь, на мой взгляд, совершенно провальная. Псевдощедринская фантазмагория на тему борьбы «евреев» и «руссопатов» (будем называть вещи своими именами, хотя у Быкова они на скорую нитку зашифрованы) лично мне ничего нового не сказала об этой известной культурной парадигме, зато много не самого лестного сказала о самом авторе. Во-первых. Дурновкусием несёт от жанра – поэма. Если это шутка, то не смешно. Если это всерьёз – то пошло. Во-вторых. Провокационность названия романа остаётся на совести автора. В чём провокация – понятно. Зачем она нужна – непонятно. Кого Быков хочет этим разозлить (напугать, рассмешить и т.д.)? В-третьих. Быкова, очевидно, сильно обидели во время службы в рядах Советской армии. По-человечески можно ему посочувствовать. Но читать садомазохистские страницы о внутриармейских неуставных отношениях – неприятно, потому что в них нет ни боли, ни весёлой злости, а есть лишь какая-то запоздалая тоскливая ярость».

Как я уже писал, в армии мне не довелось служить. Поэтому, и впрямь, надо Быкову как-то посочувствовать. Хотя убеждён, в моём сочувствии он нисколько не нуждается – своими романами и стихами Быков уже отомстил всем своим врагам. Если же не всем, то времени у него ещё достаточно. Снова повторю ранее высказанную мысль: если нет вдохновения, на помощь писателю приходит злость. Проблема в том, что злость нужна лишь для того, чтобы дать новые силы вдохновению творца. Когда же злость остаётся чуть ли не в единственном числе, из этого вряд ли что-нибудь хорошее получится.

Вот и тележурналист Владимир Соловьёв как-то, под настроение, довольно резко заявил [41]:

«Дима Быков блистательно начинал, а с годами превратился в графоманствующего мизантропа».

Это конечно перебор – нельзя же все последние романы Быкова объяснять только мизантропией. Вот, скажем, «Икс», – это вполне корректная по отношению к автору «Тихого Дона» версия создания романа. Суть её в том, что контуженный белогвардеец всё начисто забыл.

Забыл и то, что написал замечательный роман. И если бы не психиатр Владимир Бехтерев – в романе он назван как-то по-другому – писатель так бы и остался при своём неведении. Но вот оказывается, что лучше бы не знал...

Кстати, и тут в некотором роде раздвоение личности, два осколка, каждому из которых удобнее существовать отдельно от другого – бывший белогвардеец и удачливый писатель. Пожалуй, Быкову я тоже пожелал бы разобраться со своими ипостасями – выбросить ненужное и сосредоточиться на самом главном. Но вот на чём, это самому ему решать.

Не исключено, что главное для Быкова – забота о культуре. Помнится, как-то он сказал, что если пригласят в правительство, не прочь занять пост министра всей нашей культуры. Само собой, не для того, чтобы тиражировать свои романы – тиражей и без того хватает, – но чтобы поспособствовать духовному возрождению отечества. Впрочем, уточню – возможно, министром Быков согласится быть, но только не при этой власти. В чём причина? Похоже, виноваты люди, и в частности, автор «Околоноля» (по мнению сведущих людей, это Владимир Сурков, тогдашний замглавы администрации президента), позволивший себе заимствовать что-то, в частности, из наследия Пелевина [42]:

«Не скажу, чтобы мне было обидно за Пелевина. <...> Но товарищи дорогие! Про хазар, контролирующих весь юг России, мне даже напоминать неловко. Всё из той же книги под названием «ЖД», следы знакомства с которой щедро раскиданы по пространству «Околоноля». Как невыносимо, когда холодные, самовлюбленные, абсолютно полые люди примазываются к мировой культуре. От снобизма, оказывается, не так далеко и до фашизма!»

Вот это подвижничество вызывает восхищение – по должности либо по велению души Быков осилил весь роман, что называется, проштудировал с карандашом в руке от корки и до корки. И не стерпел! Да и как можно было промолчать, когда примазываются к твоей «ЖД», когда воруют у тебя хазар, по сути, самое светлое и дорогое, что ещё осталось в прошлой жизни. А в этой что? Лишь плагиат и суэта бездарностей, а там рукой подать и до фашизма.

Тут следует ради справедливости отметить, что сам Быков слегка заимствовал только у тех авторов, которых с нами уже нет. Им по большому счёту всё равно, а публике – удовольствие от нового романа. Вполне уместно привести мнение Кирилла Решетникова, который всё-таки нашёл, за что автора можно похвалить, даже несмотря на чрезмерные длинноты и невнятную идеологию [43]:

«"ЖД" – очень ценная книга; это, несомненно, лучшее, что написано Быковым. Но ценность "ЖД" – отнюдь не в основных его содержательных "пунктах". Они, надо ли говорить, крайне сомнительны. Разделение людей на идеологов-захватчиков и "настоящий" народ искусственно, концепция цикличности – скорее броская метафора и риторический ход, чем серьёзный тезис. <...> Главный дар, продемонстрированный автором, – это, несомненно, дар памфлетиста. За гротескные описания московской художественной и политической тусовки <...> автору можно простить любые длинноты».

Увы, с упомянутой критиком тусовкой я не общался, но если бы имел желание и возможность тусоваться, уж я бы оценил дар Быкова! Не стану утверждать наверняка, но мог бы простить и прошлые грехи вроде «матерной газеты» и пристрастия к портвейну. А всё потому, что считаю сатиру самым актуальным жанром для последних сорока или пятидесяти лет. Скольких бы несчастий удалось нам избежать с помощью иронии или убийственного смеха, если такой термин здесь употребим. К сожалению, почти всё, что в этом жанре слышал и читал – где-то на уровне школьной стенгазеты.

Итак, поверю знающему человеку на слово в том, что касается политтусовки и дара памфлетиста. Поверю и Александру Гавроссу, прочитавшему полностью роман и убеждённого, несмотря на обнаруженные им признаки скорой катастрофы, в прочности его конструкции [44]:

«Конструкция "ЖД", невзирая на все уловки отменно владеющего разными прозаическими техниками автора, то и дело трещит, раскачивается, грозит обрушиться – и пару раз кажется, что обрушивается-таки: ну нельзя впихнуть столько всего даже в очень большой роман (и даже в очень большую поэму). Но окончательного обрушения не происходит – и это удивительно для текста, написанного во всех жанрах сразу и призванного окончательно выяснить все отношения Быкова с Россией».

Думаю, что критик не совсем прав. Дело автора запихнуть как можно больше в свой роман, а остальное зависит от читателя. Если хватит усердия дочитать, если сумеет разобраться – честь и хвала обоим, и читателю и автору. Прочим остаётся лишь признать, что оказались недостойны.

Вызывает сомнение и применимость слова «окончательно» в контексте обсуждения этого романа, то есть не думаю, что уже финал. Быков в самом подходящем возрасте, чтобы продолжить выяснение отношений и варягов, и хазар. Может даже подключить к процессу коренное население. А дальше – уж кому как повезёт.

Итог обсуждению достоинств и недостатков «ЖД» предоставим подвести Андрею Немзеру, известному и уважаемому критику, в прежние времена отличавшемуся удивительной точностью суждений [45]:

«Я не сомневаюсь в добрых намерениях Быкова (не сомневался и читая "Орфографию" или "Эвакуатора", в которых неряшливости и балаболства, на мой вкус, больше, чем в "ЖД"). Я не хочу корить его за демонстративную "неполиткорректность" (ослом надо быть, чтобы всерьёз считать Быкова антисемитом или русофобом), за композиционные перекосы, за всегдашнюю избыточность, даже за схематизм при конструировании "живых" персонажей и упоение собственной маневренностью в духе Колобка. <...> Быков действительно хочет "как лучше". Тем обиднее, что получается "как всегда"».

Последним, краеугольным камнем «О-трилогии» Быкова стал роман «Остромов, или Ученик чародея». Книга снова построена на реальных фактах – в частности, речь идёт о событиях, связанных с делом ленинградских масонов в 1926 году. Пересказаны также обстоятельства гибели молоденькой балерины, о чём писали в прессе, и ещё массу узнаваемого обнаружат эрудиты, которым хорошо знакома история тех лет. Прочим, невежественным, но страждущим, эта книга наверняка может открыть на многое глаза, если уже не помогла.

Вот как сам Быков рассказывал о своей трилогии [46]:

«Я её про себя называю "Историческая трилогия", – в отличие от современной, которую пишу сейчас. <...> В издательстве "Прозаик", где вышла книга, принят термин "О-трилогия". Идеи написать нечто цельное сначала не было – просто в процессе работы над "Остромовым" оказалось, что эта вещь вроде купола, который соединяет и замыкает революционную "Орфографию" и послевоенное "Оправдание". О том, что это будет цельный текст, я догадался в году 2007-м. <...> Но если в самом общем виде – это получилась книга о трёх вариантах поведения в тоталитарном мире – советском в частности. Можно сыграть в игры этого мира и утонуть, раствориться в нем, как Рогов. Можно сбежать, как Ять. А можно попытаться оттолкнуться, использовать эту среду как трамплин и улететь, как Даня, – но за это придётся платить расчеловечиванием, пусть и со знаком плюс. <...> "Бывшим" надо было чем-то жить и во что-то верить».

Честно говоря, меня такая мысль не вдохновляет. Масонство, так же как и увлечение мистикой, были распространены задолго до возникновения Советского Союза. Николай Иванович Новиков, просветительская деятельность которого приходится на 70-80-е годы XVIII века, видел в масонстве возможность «просвещения ума и сердца» – это главная цель, которую провозглашали тогдашние масоны. В то время среди них было немало влиятельных людей, на поддержку которых опирался Новиков – князья Трубецкие, Одоевские, Долгорукие, Щербатовы... Не думаю, что в обыденной жизни им не хватало веры, поэтому и примкнули к мар-

тинистам. Гораздо позже, и в 20-х годах прошлого столетия, и особенно в нынешнее время, масонство стало формой, лишённой содержания. Членство в закрытом обществе, причастность к некоей тайне возвышает человека в собственных глазах, тем оно и привлекательно. А тоталитарный мир тут совершенно ни при чём, поскольку духовный дискомфорт я могу ощутить в любом, самом либеральном обществе, если оно отвергает близкие мне идеи. Что же до возможности создания масонских лож по инициативе НКВД, то «компетентные органы» для выявления неблагонадёжных могли использовать самые разнообразные формы общения людей – от шахматных кружков до поминок по усопшему.

Однако масонство – это всего лишь фон для основной конструкции романа. Куда интереснее сверхзадача, которую перед собой поставил автор [46]:

«Интеллигенция вообще не влияет на ход вещей – она выносит ему моральную оценку. <...> Любой герой любого произведения решает вопросы, волнующие автора. С трудом представляю, как может быть иначе. Правда, вопросы, стоявшие перед той интеллигенцией, нам близки и понятны: например, что делать человеку, воспитанному в сложных и богатых временах, когда наступили простые и плоские».

По поводу интеллигенции, не влияющей на ход вещей, мы ещё поговорим. Но в приведенной цитате привлекает противопоставление «богатого и сложного», с одной стороны, «простого» и «плоского» с другой. Что бы это значило? Вряд ли речь идёт о сравнении времени благоденствия царской знати с безвременьем всеобщей разрухи, наступившей в России после братоубийственной войны. Скорее всего, Быков пытается противопоставить «богатые» 90-е и нынешнюю «упрощённость». Кому на Руси было жить хорошо в лихие 90-е, это всем известно, но вот почему Дмитрия Львовича не устраивает нынешняя «простота»? Живёт он не бедно, успел объездить много стран, вполне может быть доволен тиражами своих книг. Ну разве что пост министра – чем дальше, тем всё призрачней. Однако негоже известному литератору по пустяковому поводу так горевать.

Весной в связи с событиями в Крыму слышал по телевизору мнение известной защитницы наших прав, фамилию называть не стану. Смысл её слов был таков: «зачем мне нужно присоединение Крыма к России, если я и без этого имею возможность отдыхать в Крыму?» То есть на первом месте «богатая и сложная» жизнь интеллигентной женщины, ну а требования крымчан – «простые и плоские» до невозможности, и даме на них просто наплевать. Дмитрий Львович ничего подобного не говорит, он гораздо осторожнее – не следует огорчать своих читателей, хотя кому-то из них подобные слова наверняка доставят удовольствие.

А вот что Быков говорил на презентации «Остророва» [47]:

«Я до сих пор не принял такого решения – стать писателем. Я всегда хотел быть учителем русского языка и немного – журналистом. Этим я и занимаюсь. Когда я гляжу на писательские нравы, писательские обычаи, писательские премии, то очень радуюсь, что я не писатель. Писатель – это позорная кличка. А журналист – это почётная должность. Так мне кажется».

Это было сказано в 2010 году, после опубликования нескольких романов, после получения литературных премий. Как только язык у признанного литератора повернулся? Решил с нами пококотничать, поиграть в слова? Конечно, тут не обошлось без элементов эпатажа – Быков-журналист ещё в начале 90-х «прославился» своими неожиданными заявлениями. Возможен и другой вариант: Дмитрий Львович честно признаёт себя не столько писателем, сколько беллетристом, что недалеко от истины. Ещё ближе к истине мнение Майи Кучерской о последнем романе «О-трилогии» [48]:

«Перед нами беллетризованная публицистика. Журналистика в одеждах большого романа. Газетная колонка, обвитая неплотным плющом литературных образов. Искренности, азарта, любви, горечи и тоски, ощущения бесприютности и собственной историософии для создания прозы, увы, мало. <...> Дмитрий Быков оказался заложником собственного журна-

листского таланта и вовлечённости в сегодняшнюю политическую реальность, а ещё – пленником жажды высказаться, объяснить им всем, наконец...»

Многие рецензенты это признают – Быков пытается нам что-то втолковать и объяснить. В этом нет ничего удивительного, если учесть, что одним из его осколков-двойников является Быков-учитель, потомственный педагог. Наставничество у него в крови – даже если и хотел бы промолчать, даже если сознаёт, что недостаточно в каком-то вопросе компетентен, всё равно и говорит, и пишет. И этому его красноречию не будет конца, если он сам себя не остановит. Можно предположить, что Быков преследует всё ту же цель – «просвещения ума и сердца», хотя версию о принадлежности его к масонам я напрочь отвергаю.

На мой взгляд, это желание Дмитрия Львовича нас осчастливить следует понять и даже по возможности простить излишнее многословие мудрого наставника. Но следующее заявление Быкова просто потрясает [49]:

«Я-то знаю, что делаю позорно мало. По сравнению с тем, что надо было бы».

Тут остаётся только развести руками – куда уж больше-то? Нет, Дмитрий Львович, так шутить нельзя! Подобным «плодородием» не могли бы сравниться с вами ни Олеша, ни Булгаков, ни Трифонов с Платоновым. Однако Быков и не пытается с кем-нибудь себя сравнивать – у него собственный, неповторимый жанр, примерно то же, что собственный финансовый директор. Я уже упоминал об этом жанре, но тут есть возможность разобраться доскональнее [37]:

«Жанр "Быков" характеризуется жутким многословием, поскольку приходится проборматывать одно и то же, чтобы оно наконец дошло, определенным пафосом, большим количеством реминисценций, болезненным интересом к национальному вопросу, истории и религии. В поэзии этот жанр выражается в многословных балладах и поэмах, в прозе – в «романах-кирпичах» <...> в журналистике – в огромных «подвалах» на абстрактные темы и очерках. Жанр «Быков» может нравиться или не нравиться. Чаще всего не нравится, и это хорошо! Потому что когда вещь не нравится всем, она консолидирует аудиторию».

И снова недоумеваю: неужели народ такой тупой, что с первого раза не доходит? Или у Быкова весьма своеобразная читательская аудитория? Что толку от его романов и лекций, если дело просвещения ума стоит на месте? Ну не могу же я предположить, что Быков намеренно читателей оглушает в погоне за многотысячными тиражами.

И опять Дмитрий Львович пытается нас удивить – не столько собственным, индивидуальным жанром, сколько не вполне ясно выраженной надеждой на некую консолидацию. Что он имел в виду? Что бабы с косами станут осаждать издательства, требуя запретить «ЖД» и снять с продажи «Икс» за то, что его пытались всучить покупателю даже в супермаркетах? Не думаю, что такие требования уместны по отношению к упомянутой мною «О-трилогии» – если уж консолидировались члены жюри литературных премий и немалая часть критиков, против этого не попрёшь ни с косами, ни с вилами, ни с топорами.

Объяснив причины многословия, Быков переходит к разбору причин своего «быстрописания» [37]:

«Традиционный русский писатель пишет очень медленно, это его большая беда. Я – традиционный американский писатель».

Вот уж никак не ожидал! Особенно в этом сомневаюсь, припоминая произведения Фолкнера, Хемингуэя, Сэлинджера и Стейнбека. Думаю, и классики американской литературы не предполагали, что окажутся в одной компании с романистом Быковым. Я уж не говорю про Фолкнера с его весьма своеобразным стилем, но стоило бы Хемингуэю хоть одним глазком взглянуть на диалоги из «Остромова», даже не читая, – он тут же должен был признать свою ущербность и приближение неотвратимого конца. Речь о конце литературы.

Но дальше больше – Быков связывает многословие, быстрописание и плодовитость в один тугой узел, так что ни косой не срежешь, и даже не разрубишь топором [37]:

«К вопросу о плодovitости. У нас она считается чем-то подозрительным, а для американского писателя двадцать романов за пять лет – норма».

Ну, против нынешней Америки не попрёшь – это аргумент из самых сильных и весомых. Однако неужели только в этом дело? Быков уже не раз признавался в своей любви к Америке – ну, если сам не является американофилом, то уж общаться, в основном, предпочитает с ними. Тогда зачем нужно напяливать на себя тогу, или же кафтан, русского писателя?

Закончив с анализом увлечений и традиций, попробую кое-что прояснить для самого себя, притом на полном серьёзе, без иронии. Есть мнение, что в многословии писателя теряется смысл, то есть смыслов может оказаться много, но нужно приложить невероятные усилия, чтобы отделить то главное, ради чего автор это написал. Ну разве что написано как раз ради многословия. Большая книга известного литератора предполагает приличный гонорар, а при удачном стечении обстоятельств, возможно, удастся отхватить и большую премию.

А вот мнение критика Марка Амусина, которое имеет непосредственное отношение к нашим поискам смысла в произведениях героя этой книги [50]:

«Отношение Быкова к “советской цивилизации” легко прочитывается и в “Оправдании”, и в “Орфографии”, и в “Остромове”. Но откуда же свалилась эта напасть на несчастную Россию? Согласимся, такой вопрос напрашивается. И вот тут приходится признать, что Быков в своей исторической рефлексии не занимается анализом – даже мифопоэтическим. Вопросы “почему”, “по каким причинам”, “в силу каких условий” в его книгах не ставятся. Большевицкая революция уподобляется нашествию варваров, саранчи, чумы».

Итак, получается, что Быков обходит стороной, игнорирует самый важный смысл: почему произошёл большевицкий переворот и в чём причины того, что затем случилось. Ну взять хотя бы период с момента создания ВЧК и до конца известной всем «ежовщины». Нашествие варваров, «чернь», вылезшая из подвалов – это ничего не объясняет. Увы, с сожалением приходится признать, что среди многочисленных ипостасей Быкова осколком под названием Быков-аналитик я не обнаружил, есть только Быков-резонёр.

Однако снова предоставим слово критику – вот что пишет Никита Львович Елисеев [51]:

«Среди всех книг Дмитрия Быкова “Остромов, или Ученик чародея” занимает особое, особенное место. Во-первых, это – завершение трилогии. <...> “Остромов” – гимн социальной нереализованности, умело, грамотно сделанный человеком, социально реализовавшимся на все сто процентов. <...> Он самый “быковский” роман. Самый стилизаторский, самый литературный».

Ну, гимн, так гимн. Я в принципе не возражаю, а критик продолжает славословие:

«Самое важное здесь – быстрота и странная точность его работы. Он делает, куда другие рассуждают и не решаются делать, может – из лени, может – из повышенного чувства ответственности. Причем делает так, что с ходу попадает в нерв времени».

Это суждение кое в чём пересекается с мнением критика Амусина. Действительно, создаётся впечатление, что в то время, как другие рассуждают, ищут ответы на краеугольные вопросы, Быков пишет. Не исключено, что даже попадает в нерв. В конце концов, это же его работа. Вот если бы перед ним поставили задачу не рассказать, а доказать... Однако предвижу возражение: мы же с вами не в суде, чтобы докапываться до самой сути. И правда, если читатель голосует кошельком за Быкова, это доказательство ничем уже не перешибёшь. Либо надо сдать на милость победителя, либо другого читателя где-то поискать.

Однако чувствую, что пора более детально разобраться в этой остромовской истории. Вот как разъясняет её Быков [52]:

«Левитация как образ жизни – это, кажется, действительно вовремя, потому что больше сейчас по большому счету заниматься нечем. <...> Представляете – история. Входит мальчик в этот розенкрейцерский кружок. Он верит тому, чему там учат. Он полюбил Остромова. Остро-

мов – Бендер такой, жулик. <...> И вот их всех взяли, а он остался один. И, представляете, мне кажется, что он должен полететь».

Считается, что все мы в детстве по ночам летали – как правило, во сне, не считая тех случаев, когда пришлось воспользоваться услугами «Аэрофлота». Я тоже не без греха – признаюсь, летал. В основном, над хорошо знакомым переулком поблизости от Патриаршего пруда. Правда, я тогда ещё не знал про полёты Маргариты. А вот Дмитрий Львович всё учёл – всё то, что в «закатном» романе Михаила Булгакова так понравилось читателю. И встречу со странным незнакомцем – правда, в вагоне поезда, а не у пруда. И чёрную засаленную шапочку Мастера, которая почему-то стала синей. Ну а полёты Быков и вовсе поставил на поток. Мало нам Маргариты и Наташи с боровом, так нет – сначала воспарил Ирочка, затем он мальчика заставил полететь. А там и вовсе – провозгласил левитацию образом всей жизни.

Так в чём же дело? Неужели Быков не в силах создать ничего оригинального? Не могу в это поверить! Мне-то казалось, что в телеэфире из него прямо-таки потоками изливается фантазия. И вот оказывается, что нет. Неужели, это всего лишь перепевы того, что книжный эрудит когда-то прочитал и хорошо запомнил? И в самом деле, по мнению Быкова, заимствования и повторы неизбежны [53]:

«Грин, в общем, открыл гениальную вещь: он понял, что писать о русской действительности уже скучно, эта действительность исчерпана, мы сейчас пилим опилки. Хотим мы того или нет, но Россия так долго ходит по кругу, что всё, что в ней было, уже описано. Мы сейчас можем только повторяться. Надо писать о том, чего не бывает. И Грин выдумал вот этот прекрасный мир. <...> Давайте писать про мир, в котором мы были бы счастливы. А описывать вот эту реальность, которая ничем абсолютно не отличается от щедринского города Глупова, мне кажется, хватит. Мы пилим опилки. Нужно выдумывать. Нужно начинать творить».

Тут вроде бы противоречие. С одной стороны, мы «можем только повторяться», с другой – «нужно выдумывать». Если не можем, как же тут выдумывать? Впрочем, Быков имеет в виду неспособность современных авторов, не исключая и себя, разобраться в том, что происходит, представить своё видение истории, создать оригинальный художественный образ, который бы покорила читателя. В итоге оказывается доступен единственно возможный вариант: берём известные исторические факты, ту самую скучную действительность, вставляем туда известных персонажей, к примеру, из «Мастера и Маргариты», или выуживаем их из старых газет, ну а затем и впрямь остаётся лишь «выдумывать». Да я не возражаю, тем более что жители города Глупова вполне этим довольны!

Особенно радуют горожан объёмы предлагаемой им литературы. У Быкова что ни книга, то семьсот страниц, за редким исключением. Такая внушающая уважение «весомость» достигается благодаря невиданному многословию не поддающихся учёту персонажей. Правда, самого Дмитрия Львовича им всё равно не переплюнуть и не перешибить, что, в общем-то, вполне естественно: все эти склонные к пространным рассуждениям Остроумовы, Поленовы, Морбусы и многие другие являются всего лишь осколками личности создателя романа, которые разлетелись по страницам книги. Однако даже маленький осколок способен потрясти воображение, если начинает говорить.

В принципе, это малопочтенное занятие – доказывать то, что довольно очевидно. Андрей Немзер дал ещё в 1999 году очень точную характеристику увлечению некоторых романистов многословием [54]:

«Мне это кажется застойной болтовней, по-простому говоря. Кстати, допустимой и необходимой в газетах – и губящей книги. <...> Как всегда в нормальной болтовне: одну вещь человек говорит здравую, вторую полуждравую, потом полную ахинею – и это сходит, потому что говорит более-менее легко, остро, и чувство своего круга, приятельского локтя здесь срабатывает».

Теперь представьте, что Воланд, Берлиоз, Бездомный, Мастер и даже Понтий Пилат с Иешуа Га-Ноцри были бы столь же многословны, как персонажи из «Остромова». Ну получился бы толстенный роман: без малого полторы тысячи страниц московских глав и чуть поменьше – про события в Ершалаиме. И в результате бедному читателю пришлось бы разбираться, о чём все эти персонажи так долго и нудно говорят, в чём смысл этого словесного их недержания, и почему невозможно обойтись без слов, которые не имеют никакого отношения к событиям, описанным в романе.

Так почему же Михаил Булгаков, рассказывая весьма занимательную и поучительную историю про опыты профессора Преображенского, про Борменталья, Швондера и Полиграфа Шарикова, решил ограничиться всего какой-то сотней страниц? Таланта не хватило? Теряюсь в догадках, анализирую доступные мне варианты, но объяснения не нахожу. Ну разве что причина в том, что Михаил Булгаков не рассчитывал на премию «Большая книга». Впрочем, о премиях и премиальных речь пойдёт в одной из следующих глав.

Ещё одно замечание Быкова по поводу литературы [55]:

«Сегодня литература боится объективно взглянуть на вещи, ибо то, что она увидит, будет неприглядно. Это потребует конкретных действий. Писатели – и читатели – к ним пока не готовы. Отсюда разговор о чём угодно, кроме главного».

Пожалуй, можно согласиться, но только с тем, что писатель не готов. То есть далеко не каждый может образно, талантливо написать о нашей жизни. Пытается найти ответы в прошлом, однако ничего подходящего и вразумительного не находит, а потому вынужден обратиться к мистике и прочим «чудесам». Примерно так наши далёкие предки, напуганные молнией и громом, искали объяснение в существовании языческого божества.

Глава 4. О Борисе Пастернаке

Честно признаюсь, о книге Дмитрия Быкова, посвящённой Борису Пастернаку, не хотелось бы писать. Много в поэзии Бориса Леонидовича мне по душе, однако, что это был за человек, я пока не разобрался. Но почему-то кажется, что Быков-аналитик вряд ли сможет мне помочь – ему бы разобраться как-нибудь в самом себе. Впрочем, в трудах из серии ЖЗЛ есть несомненная ценность – уже за подбор информации следует авторов этих книг горячо благодарить. Страшно представить, сколько времени потребовалось бы читателю, задайся он целью самостоятельно перевероршить всё, что содержится по нужной ему теме в хранилищах библиотек и на страницах интернета. А тут, пожалуйста – всё под рукой, только успевай отделять зёрна от плевел. Так что положительный эффект от издания книги о Борисе Пастернаке не вызывает у меня сомнения.

Вот и критик Никита Елисеев пишет [56]:

«Все, что излагает в своей книге Быков, уже было изложено в разных статьях, книгах, воспоминаниях, нужно было все это собрать в книжку. Так собрать, чтобы это было не скучной грудой фактов, а сюжетным повествованием».

Кстати, о скучной гряде фактов. Когда штудировал книгу Алексея Варламова о Михаиле Булгакове из той же серии ЖЗЛ, меня ни в коей мере не интересовало, как автор интерпретирует те или иные события из биографии писателя. Вот так и здесь – ценность книги для меня определяется полнотой содержащейся в ней информацией. Однако Быков написал книгу, в которой предложил своё субъективное мнение о жизни и творчестве поэта, наверняка этим доставив удовольствие многим своим почитателям. Смогу ли я оценить достоинства и недостатки этой книги, если никогда не занимался исследованием биографии и творчества Бориса Пастернака? Да вряд ли. Вот, скажем, Юрий Павлов в статье «Премированная хлестаковщина» указывает на необоснованность некоторых выводов, касающихся отношений Пастернака и Цветаевой – похоже, Быков не разобрался в некоторых датах [57]:

«Например, в третьей части этой главы уже в первом абзаце утверждается: "В сорок первом, когда немцы стояли под Москвой, Пастернак испытывал невероятный подъем – а Цветаева покончила с собой". Однако, когда поэтесса ушла из жизни, немцев под Москвой не было, они были на расстоянии 400 километров от столицы. 19 октября фашисты занимают Можайск, их отделяет от Москвы всего 110 километров, – Пастернак же пятью днями раньше отбыл в эвакуацию. А подъем, о котором говорит Быков, начался еще весной, "после Гамлета", с написания, по словам Бориса Леонидовича, лучшего из того, что им когда-либо было создано».

Понятно, что подобные неувязки в тексте мог заметить только опытный литературовед, знаток творчества и биографий Пастернака и Цветаевой. Впрочем, кое-кто может Юрию Павлову возразить – мол, это всё малосущественные детали, они не могут повлиять на тот образ Пастернака, который создал Быков и предложил своему читателю. Однако если есть неточность в мелочах, закрадывается сомнение, а прав ли Быков в своих выводах? Но это предстоит решать специалистам, мнения которых я намерен обсудить в этой главе.

Пространную статью о книге Быкова написал уже упомянутый критик Никита Елисеев. Вот как он пытается оправдать попытки привнести в жизнеописание Пастернака авторский взгляд на ход истории и субъективное представление о том, как поэт воспринимал те или иные события, происходившие в стране [56]:

«Сейчас время толстенных кирпичей, обобщающих и – в то же время – популярных работ. Но в таких работах не обойтись без концепции, без сюжета той жизни, с которой работаешь».

На мой взгляд, сюжет лучше бы оставить для романа, а то ведь что может получиться: роман окажется в итоге рыхлым, как перистые облака, ну а документальное жизнеописание

будет следовать изгибам мироощущения одного лишь автора. Тогда возникнет неизбежный вопрос: о ком книга – о себе, родимом, или же о Пастернаке? Причина в том, что понять психологию другого человека не каждому дано. Вот и сам Быков в одном из интервью вполне авторитетно заявил, что в мыслях и переживаниях, которые стоят за его собственными текстами, вряд ли кто-то сможет разобраться. Получается так, что понять истинного Быкова нельзя, а Пастернака – почему не попытаться?

Ну что ж, попытка реализована и получился девятисотстраничный труд. Теперь авторское мнение можно выдать за непререкаемую истину и на его основе внушать читателям свои идеи, оставляя за скобками вопрос, насколько они соответствуют мыслям и чувствам Пастернака. Похоже, что с таким подходом согласен Елисеев [56]:

«Биографии – штуки поучительные. Пишущий биографию всегда под сурдинку поучает: вот, дети, с кого надо делать жизнь <...> или наоборот: дети, если будете так безобразничать, как этот дядя или эта тётя, то и вам будет так же скверно, как этим дяде-тёте. Быков вообще склонен к поучениям, к морализаторству...»

Если допустить, что Быков писал книгу для своих учеников, тогда многое становится понятным. Тогда оправдана и его тяга к педагогике – ведь на уроках, посвящённых Пастернаку, можно цитировать самого себя. Тем более что дети не смогут опровергнуть своего учителя, да что говорить, не каждый студент на лекции по литературе осмелится спорить с самим Быковым. Для этого требуются и знания, и способность критически переосмысливать то, что тебе желают втолковать. Возможно, со временем кто-то и оспорит выводы, сделанные Быковым, однако за годы, прошедшие с момента опубликования этой книги, серьёзных возражений не последовало. Не стану возражать и я, а потому продолжу анализировать мнения знающих людей.

Когда критик пытается оправдать излишнюю субъективность автора, иной раз доходит до смешного. Вот и Никита Елисеев делает «открытие» [56]:

«Биография поэта, написанная поэтом же, волей-неволей становится профессиональным и житейским кредо пишущего поэта».

Вот уж никак не ожидал! Неужели Быков написал не биографию, а собственное «кредо»? Так и хочется воскликнуть: нам бы про Бориса Леонидовича, ну а кредо оставьте при себе! На мой взгляд, автором книги о поэте вовсе не обязан быть поэт – я думаю, всё согласятся с тем, что Пастернака и Быкова даже в своём воображении рядом не поставишь. Так что не стоило даже упоминать в этом контексте о Быкове-поэте.

Читаешь вроде бы статью, которая должна объективно оценить и разъяснить то, что содержится в книге, а в результате возникают новые вопросы, поскольку к авторскому кредо присовокупляется кредо критика с его оригинальным толкованием психологии Бориса Пастернака [56]:

«В Борисе Пастернаке немало мушкетерского. Рисковал, пил, ссорился с властями, мирился с властями, любил красивых женщин. Была в Пастернаке какая-то изумительная суперменская повадка. <...> Пастернак – он ведь вроде Джекки Браун из одноименного фильма».

Супермен и мушкетёр – это бы ещё куда ни шло, хотя такие сравнения вряд ли подойдут для российского поэта и писателя. Однако сравнение с какой-то Джекки Браун – это нечто запредельное! Неужели книга Быкова способна вызывать подобные ассоциации? Слава богу, сам автор избежал этих искушений и не стал использовать столь популярные с точки зрения Никиты Елисеева понятия и имена. На мой не слишком просвещённый взгляд, если уж очень хочется, можно сравнить Пастернака, например, с гусаром, да и то было бы непозволительной вольностью или неоправданной натяжкой.

В последние годы редкая статья обходится без упоминания социума или хотя бы чего-то социального. Вот и Елисеев этого увлечения не избежал [56]:

«Пастернак так умудрился себя сориентировать в социальном пространстве, что в самый разгар травли за ним присылали машину, чтобы везти не на Колыму, а в ЦК – побеседовать...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.